

А. А. Тесля

К характеристике политической теории славянофилов: о воззрениях И. В. Киреевского¹

Политическая теория славянофилов за последние десятилетия сравнительно редко делалась предметом специального анализа — нередко воспроизводятся традиционные историографические суждения, не отражающие ни введенные за минувшие годы новые источники по теме, ни результаты разработки смежных тем. Целью данной статьи является рассмотрение ряда сюжетов, позволяющих уточнить характеристику политических воззрений Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856). Будучи одним из виднейших деятелей славянофильского направления, он привлекает внимание преимущественно своими философскими и отчасти богословскими воззрениями. Никким образом не оспаривая эту точку зрения, автор статьи представляет краткую характеристику его политических воззрений зрелого периода (с конца 1830-х гг.). В текстах этого времени Киреевский предстает как политический теоретик, внимательный к понятийному ряду, занимающий к 1855 г. консервативно-либеральную, ориентированную на англофильскую традицию, националистическую позицию. Особенный интерес представляет позиция Киреевского по отношению к «закону» и «законности» — в отличие от возобладавшей в интерпретации славянофильства аксаковской линии, пренебрегающей формальной законностью и склонной едва ли не противопоставлять ее справедливости (в дихотомии «правды внешней» и «правды внутренней»), Киреевский отстаивает единство справедливости и законности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история русской общественной мысли, национализм, политическая теория, русский либерализм, славянофильство.

1. Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Как ни парадоксально, политическая теория славянофилов за последние полвека редко делалась предметом специального анализа — со времен монографии А. Валицкого (1964–1975)² детальных исследований по этой теме было немного, в их числе заслуживают специального упоминания работы Н. И. Цимбаева [*Цимбаев 1978; Цимбаев 1986*]; собран и введен в оборот значительный эмпирический материал, начиная с эпистолярия и заканчивая публикацией целого ряда неизвестных текстов. Тем не менее собственно теоретический анализ славянофильской политической (политико-философской) мысли остается до сих пор скорее в области ожидаемого и желаемого, чем осуществленного — что тем более удивительно, поскольку уже только одни новые материалы, введенные в научный оборот за минувшие десятилетия, побуждают существенно скорректировать выводы Валицкого³.

Разумеется, мы никоим образом в данной статье не претендуем на восполнение указанной лакуны, наша задача носит ограниченный характер — остановиться лишь на некоторых деталях зрелой мысли И. В. Киреевского (1806–1856), рассмотрев их с точки зрения политической теории и истории отечественной общественной мысли⁴.

Формирование славянофильства как направления русской общественной мысли приходится на период 1838–1842 гг., при этом последнюю временную границу можно и несколько отодвинуть — вплоть до 1844–1845 гг., когда происходит отчетливое, публичное размежевание на «западников» и «славянофилов», с разрывом личных связей, напряженными объяснениями, статьями В. Г. Белинского в «Отечественных записках» и стихами Н. М. Языкова, ходящими по Москве. Собственно, славянофильство возникает в результате двух встреч — А. С. Хомякова с И. В. Киреевским зимой 1838–1839 г., когда они обмениваются развернутыми изложениями своих воззрений, обнаруживая друг в друге нечаянных единомышленников, и позднейшей встречи с двумя молодыми людьми — недавними студентами Московского университета К. С. Аксаковым и Ю. Ф. Самариным. Диалог, возникающий меж-

2. В этом году вышел русский перевод данного, уже ставшего классическим труда [Валицкий].

3. Валицкий в своей работе не имел возможности обратиться, например, к «Записке об отношении русского народа к царской власти» И. В. Киреевского (1856 г.) (впервые она была опубликована в 2002 г. в сборнике: [Киреевский 2002, 49–82];

повторно: [Киреевский 2018б, 57–81]) и, соответственно, исходя из опубликованных тогда материалов, представил воззрения Киреевского гораздо более консервативными, чем они представляются на данный момент.

4. См. общую характеристику славянофильства с точки зрения истории национализма: [Тесля 2019].

ду этими четырьмя ключевыми фигурами, в который вовлекается и целый ряд других, — и их совместная оппозиция тем, в ком они опознают носителей противоположных «начал», и формирует славянофильство, размыкая его из «поколенческой» истории. В результате выстраивается круг идей, общий для представителей разных поколений, сформированных в рамках различных философских представлений (вместе с тем достаточно близких, чтобы была возможность нахождения общего языка).

При этом в рамках самого славянофильства наличествовал довольно широкий разброс теоретических позиций. Так, А. Валицкий, последовательно анализируя воззрения И. В. Киреевского, А. С. Хомякова и К. С. Аксакова (и, в отличие от собственно славянофильской позиции, весьма скептически оценивая уровень и продуктивность мысли Хомякова), характеризует первого как вполне последовательного консерватора, соединяющего два пласта консервативной мысли — во-первых, французского, рационалистического, и, во-вторых, более позднего, немецкого, романтического (и националистического), тогда как позиция Аксакова в итоге оценивается посредством понятия «анархизм» [Walicki]. Однако и у самого Киреевского мы обнаруживаем суждения, близкие к аксаковской утопии. Так, в 1852 г. в «Московском сборнике» он пишет:

...Воображая себе русское общество древних времен, не видишь ни замков, ни окружающей их подлой черни; ни благородных рыцарей, ни борющегося с ними короля. Видишь бесчисленное множество маленьких общин, по всему лицу русской земли расселенных и имеющих, каждая на известных правах, своего распорядителя, и составляющих каждая свое особое согласие, или свой маленький мир: эти маленькие миры или согласия сливаются в другие, большие согласия, которые, в свою очередь, составляют согласия областные и, наконец, племенные, из которых уже слагается одно общее, огромное согласие всяя Руси, на котором утверждается вся кровля общественного здания, опираются все связи его верховного устройства [Киреевский 2018б, 37].

Вместе с тем если у Аксакова подобное утопическое видение прошлого выливается в активное стремление вернуться к нему, то у Киреевского оно оказывается если и не вполне самодостаточным, то побуждающим, скорее, опасаться любых внешних перемен, — так, уже в 1850-е, он будет весьма отрицательно настроен к пока еще достаточно умеренным планам крестьянских реформ

(одним из активных деятелей в этой сфере станет Ю.Ф. Самарин); в «патриархально-дворянской утопии» [Янковский] помещик оказывался благодетельным, попечительным главой — а зло наличное, признаваемое оказывалось частным, ограниченным, которое надлежало исцелять, постоянно держа в сознании опасность причинить еще большее зло.

Наиболее развернуто свое понимание славянофильской проблематики в 1840-е гг. Киреевский представил в известной статье «Обозрение современного состояния словесности», опубликованной в первых трех номерах «Москвитянина» за 1845 г., — в тот период, когда заведывание редакцией частично перешло в руки Киреевского и обсуждалась передача журнала от Погодина славянофильскому кружку⁵. Эти обстоятельства важны постольку, поскольку поясняют значение статьи, имевшей характер декларации нового направления журнала, три номера которого, вышедшие под редакцией Киреевского, были преимущественно наполнены материалами его собственными и близких к нему авторов («вкладчиков» по терминологии того времени).

Начав с характеристики «европейского просвещения» по отдельным странам, Киреевский в итоге утверждает:

Отдельные западные народности, достигнув полноты своего развития, стремятся уничтожить разделяющие их особенности и сомкнуться в одну общеевропейскую образованность [Киреевский 2018a, 26].

При этом

даже те словесности, которые подчиняются влиянию других народов, принимают это влияние только тогда, когда оно соответствует требованиям их внутреннего развития, и усваивают его только в той мере, в какой оно гармонирует с характером их просвещения. Иноземное для них — не противоречие их особенности, но только ступень в лестнице их собственного восхождения [Киреевский 2018a, 29–30].

В данном случае мы не будем останавливаться, поскольку это многократно проделано в исследовательской литературе, на анализе Киреевским внутренней логики развития «европейского просвещения» и исчерпанности последнего, приводящей к потребности в новых началах (которые мыслятся им находящимися

5. См. об этом: [Барсуков 1894, 1–29].

в «мире православно-славянском» [Киреевский 2018a, 28]). Следует, однако, обратить внимание на понимание Киреевским народа, данное в риторическом вопрошании:

Ибо что такое народ, если не совокупность убеждений, более или менее развитых в его нравах, в его обычаях, в его языке, в его понятиях сердечных и умственных, в его религиозных, общественных и личных отношениях, — одним словом, во всей полноте его жизни? [Киреевский 2018a, 36–37].

Неосознанная мысль путем самосознания становится не только ясной, но и уподобляется «слову совести», т. е. становится направляющим, регулирующим осознанно началом:

Таким образом выступает она в сферу всечеловеческого просвещения как живой неизъемлемый элемент, как личность с голосом в деле общего совета; но к внутреннему своему основанию, к началу своего исхода возвращается она как вывод разума к неразгаданным обстоятельствам, как слово совести к безотчетным влечениям [Киреевский 2018a, 31].

При этом

не должно забывать, что развитие мысли народной исходит не из численного большинства. Большинство выражает только настоящую минуту и свидетельствует более о прошедшей, действовавшей силе, чем о наступающем движении [Киреевский 2018a, 16–17].

В опубликованных уже посмертно (в 1857 г. в «Русский беседе») «Отрывках» есть следующий фрагмент:

Задача: Разрабатывание общественного самосознания.
Истинные убеждения благотельны и сильны только в совокупности своей. Добрые силы в одиночестве не растут. Рожь загложнет между сорных трав [Киреевский 2018b, 141].

Здесь отчетливо обнаруживается логика «общества» (как посредствующего элемента между «народом» и «государством»), «народа в своем самосознании», которая получит разработку в начале 1860-х у И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина и найдет выражение в аксаковском цикле статей 1862 г.⁶ Выражение этого хода

6. См. об этом: [Тесля 2013; Тесля 2015, 295–334].

рассуждений в понятийном плане можно, как нам видится, обнаружить в связи «народа» и «нации» в следующем пассаже 1845 г.:

Как язык народа представляет отпечаток его природной логики и если не выражает его образа мыслей вполне, то, по крайней мере, представляет в себе то основание, из которого беспрестанно и естественно исходит его умственная жизнь; так и разорванные, неразвитые понятия народа, еще не мыслящего, образуют тот корень, из которого вырастает высшая образованность нации. Оттого все отрасли просвещения, находясь в живом сопоницании, составляют одно неразрывно сочлененное целое [*Киреевский 2018а, 29*].

В качестве примера пагубного разделения в этом тексте выступает Польша, о которой Киреевский пишет:

Одно государство между всех западных соседей наших представляет пример противного развития. В Польше действием католицизма высшие сословия весьма рано отделились от остального народа, не только нравами, как это было и в остальной Европе, но и самым духом своей образованности, основными началами своей умственной жизни. Отделение это остановило развитие народного просвещения и тем более ускорило образованность оторванных от него высших классов. Так тяжелый экипаж, заложный гусем, станет на месте, когда лопнут передние постромки, между тем как оторванный фореитор тем легче уносится вперед [*Киреевский 2018а, 31*].

Особая оговорка сопровождает этот пассаж, иронически указывая на прямо противоположное собственному буквальному смыслу значение:

Слава Богу, между теперешнею Россиею и старою Польшею нет ни малейшего сходства, и потому, я надеюсь, никто не упрекнет меня в неуместном сравнении и не перетолкует слов моих в иной смысл, если мы скажем, — что в отношении к литературе у нас заметна такая же отвлеченная искусственность, такие же цветы без корня, сорванные с чужих полей [*Киреевский 2018а, 34*]⁷.

7. «Фореитору» была суждена долгая жизнь — в 1861 г. созданный И. В. Киреевским образ был уже непосредственно применен к России И. С. Аксаковым в передовице «Дня»: «Представьте себе, читатель, громадную, тяжело нагруженную колымагу, медленно движимую, по грязной, топкой дороге, шестериком здоровых, крепких, но несколько ленивых коней и тройкою выносных или передовых, на одной из которых усердно беспокоится бойкий

фореитор. Колымага то и дело вязнет в глубоких колеях, колеса упираются в рытвины или наворачивают на шины целые пуды грязи; лошади, ощупью отыскивая твердой опоры для копыта, беспрестанно оступаются и проваливаются. Пришлось наконец подниматься на гору, за которую, по рассказам, дорога становится лучше. Чтобы одолеть этот подъем, нужно бы дружным усилием всех девяти коней подхватить и вывезти колымагу, но не тут-то было!

В логике «самосознания» Киреевский полемически уравнивает «Отечественные записки» и «Маяк», объявляя их выразителями направлений одинаково односторонних — и, соответственно, в силу своей односторонности оказывающихся ложными, тем самым представляя собственную, славянофильскую позицию одновременно и как золотую середину, и как осознание истинности того, что неверным образом утверждают оппоненты. Позиция самосознания дает возможность одновременно выносить вердикт относительно других, поскольку те оказываются в ситуации наивности и, следовательно, непрозрачности для самих себя.

Если «Обозрение...» 1845 г. формально было посвящено вопросам «словесности» (толкуемой, впрочем, максимально широко [*Киреевский 2018a*, 7]), то в «Записке...» 1855 г. Киреевский открыто высказывает целый ряд славянофильских тезисов, не связываясь необходимостью искать обтекаемые, условные формулировки. Центральным предметом «Записки...» является оправдание в подозрении, что славянофилы «отделяют царя от России» [*Киреевский 2018b*, 57]. Прежде всего, Киреевский заявляет — и мы увидим далее, что с существенными основаниями, — что будет говорить только свое собственное «исповедание об этом предмете» [*Киреевский 2018b*, 57].

Оправдание от подозрения оказывается фактически утверждением примата национального: действительно, «любить царя русского раздельно от России, значит любить внешнюю силу, случайную власть, а не русского царя» [*Киреевский 2018b*, 58]:

Беспокойный форейтор, приударив своих лошадей не вовремя, так натянул постромки, что они лопнули; колымага с шестериком засела в трясине, на самом взлобе дороги, а форейтор, с своими выносными конями, ускакал вперед! И скачет форейтор, не оглядываясь, все вперед да вперед; скачет, не слыша отчаянных криков кучера увязнувшей колымаги, не разбирая дороги, — целиком, по полям и нивам, чрез ручьи и овраги, — не заботясь об экипаже, да и не соображая, что во всяком случае грузный экипаж так скоро мчаться не может; скачет, предводительный собой и своей быстрой ездой, и, в пылу погони за блудящими огоньками, воображает, что везет колымагу к настоящему путеводному свету!..

Мы только подробнее и пространнее начертили образ, на который еще покойный И. В. Киреевский указывал для характеристики просвещения Польши в XVI и XVII в.; но едва ли еще не с большею верностью может он послужить, как сравнение, для самой России. Эта тяжело нагруженная колымага с

шестерней добрых коней — не наша ли земля с ее материальными и духовными богатствами, не народ ли, оставшийся позади, без средств к просвещению и внешнему преуспеянию, народ, от которого оторвались верхние слои общества?.. Этот форейтор, так шибко скачущий, потому что не тащит за собою никакого груза, — не мы ли, так называемое образованное общество, мчащееся во весь опор верхом на цивилизации, подгоняющее ее татарскою нагайкою работы немецкого мастера, скачущее к прогрессу не столбовой дорогой, а какими-то особыми кривыми путями, вне всяких исторических, жизненных условий? Эти блудящие огоньки не те ли «идеи века», за которыми так безразборчиво гоняются наши прогрессисты?...» [*Аксаков, 128–129*]. В свою очередь этот образ отражается в фельетоне кн. Е. Н. Трубецкого 1905 г. — который послужил, по наблюдению М. А. Колерова, основанием для «образа-теории» В. А. Маклакова о «безумном шофере» [*Колеров, 35–46*].

Истинная любовь к царю соединится в одно неразделимое чувство с любовью к отечеству, к законности и к святой Православной церкви. <...> И как в сем деле отделять любовь к царю от закона, отечества и Церкви? — Закон — это воля царя, перед всем народом объявленная; отечество — это лучшая любовь его сердца; святая Православная церковь — это его высшая связь с народом, это самое существенное основание его власти, причина доверенности народной к нему, совокупная совесть его и отечества, живой узел взаимного сочувствия царя и народа, основа их общего благоденствия, источник благословения Божьего на него и на отечество [Киреевский 2018б, 58].

Правда, несколькими страницами далее Киреевский формулирует принцип взаимности, где на стороне народа оказывается «без залогов отданная доверенность... царю», и, следовательно, на стороне царя находящаяся за пределами формальных обязательств, «свободная и честная готовность оправдать ее своим правлением» [Киреевский 2018б, 63 (прим. 1)], но далее он уже непосредственно говорит о конституции, оговариваясь:

...Страшное иностранное слово *конституция* в русском переводе значит ни больше ни меньше как *устройство*. Поэтому бояться для государства *конституции вообще* — значит бояться всякого государственного устройства, что было бы верхом бессмысленности [Киреевский 2018б, 68].

Первейшей потребностью является требование законности:

...Во Франции вспыхнуло требование государственного преобразования именно оттого, что она страдала от общей беззаконности и надеялась вместе с английской конституцией приобрести английскую законность. — Последствия разоблачили пустоту этой надежды [Киреевский 2018б, 69].

Вслед за Э. Берком и созданной им консервативной традицией отмечая,

что в Англии английская конституция... образовалась не вследствие теорий, но выросла самородно вместе с развитием духа законности в народе... Поэтому-то эта ее особенность и конституция ее составляет ее исключительную принадлежность и не может быть ни твердо, ни благотельно перенесена в другие земли, имеющие другую историю [Киреевский 2018б, 69],

Киреевский, однако, не делает ожидаемого консервативного вывода — напротив, он следом обращается к противоположе-

нию монархии и деспотизма (при этом, вслед за «Запиской...» Н. М. Карамзина толкует «самодержавие» как синоним «монархии»), отсылающему к «Духу законов» Ш.-Л. Монтескье [Киреевский 2018б, 70], и заявляет, что законное самоограничение есть

высший идеал власти, к которому она должна стремиться для собственной выгоды и для высшего блага отечества. <...> Противны верховной власти не твердость законов, но те ложные понятия о средствах водворить эту твердость, которые распространились в Европе после Французской революции [Киреевский 2018б, 70].

«Но этот самый общественный дух, — скажут люди, страдающие общою дубоюзненностью, — этот развитый и проникнутый законностио дух народа не будет ли ограничением самовластия царского? — Эта обычаем утвердившаяся законность не будет ли собственно русская конституция, только под другим именем и в других формах? — Не будет ли она для России то же, что английская для Англии, с тою только разницею, что возникнет незаметно и без переворотов и, следовательно, тем еще крепче утвердится? — Что же станется тогда с самодержавием?»

На эти столь далеко боязливые опасения приверженцев вечного самовластия я могу отвечать только тою уверенностью, что *то, чего они боятся*, — *это конечная цель развития законности в России* (курсив наш. — А. Т.), где самодержавие само собою и заметно исчезает в твердости общего порядка, — не только не противно воле самодержца русского, но, без малейшего сомнения, составляет самую главную мысль и постоянную цель всех его трудов и забот о благе и устройстве государственном. Эту уверенность мою подтвердят мне единодушно все те, кто сколько-нибудь уважает личность царскую, и, если двадцать генерал-адъютантов станут говорить мне противное, я сочту долгом не поверить им. *Ибо то, что составляет благо России, не может не составлять главной цели ее царя* (курсив наш. — А. Т.) [Киреевский 2018б, 72].

Понятно, что в записке, поданной министру народного просвещения в 1855 г., сказывается «дух времени»: либерализм и обличительное направление не только были «в моде», но и сделались своего рода «общим местом» — напомним, что для Валуева, например, поданная им записка («Дума русского», 1855), написанная с точки зрения критики порядков предыдущего царствования, стала важным этапом в его карьере, обратив внимание первых лиц империи. Однако конъюнктурные соображения приписать тексту И. В. Киреевского невозможно хотя бы потому, что

его адресатом был министр народного просвещения, а целью — добиться снятия особого цензурного порядка, наложенного на авторов «Московского сборника» (1852) одновременно с запрещением второго тома сборника⁸. В январе 1856 г. А. С. Хомяков писал из Петербурга — куда отправился хлопотать с той же целью, стремясь добиться разрешения для славянофилов издавать «Русскую беседу», — А. И. Кошелеву (дававшему деньги на издание и бравшего на себя главную редакцию будущего журнала), рассказывая о своей встрече с А. С. Норовым:

Чтобы ты мог понять взгляд здешних пошляков на наше направление, скажу тебе только то, что Норов жаловался мне на Киреевского: «Киреевский писал мне, и вообразите: он просит разрешения и в то же время объявляет, что он нисколько не хочет изменить своего взгляда и образа действий и выражений». Я тут его перебил, будто не понимая его: «Конечно, Киреевский смешно оговаривается; он должен вас знать, — знать, что ваше превосходительство убеждены, что человек не меняет убеждение как рубашку»... Вообрази его физиономию при этом. Впрочем, мы очень хороши, а дело не подвигается [*Барсуков 1900, 326*].

Вместе с тем подчеркнем, что текст «Записки...» Киреевского характеризует именно его собственные взгляды, причем на конкретный момент времени — их никак нельзя распространить на все славянофильство в целом, даже если ограничить последнее исключительно рамками «классического» (1840–1850-х гг., представленного именами в первую очередь самого И. В. Киреевского, А. С. Хомякова и К. С. Аксакова). В особенности это относится к акценту на «законности»: хотя в этом отражаются и обстоятельства момента, однако для К. С. Аксакова, как в дальнейшем и для его младшего брата И. С. Аксакова, ставшего основным выразителем и глашатаем славянофильских воззрений в 1860-х гг., «законность» никогда не имела подобного значения — для них и в данной ими версии славянофильства решающее значение имело противопоставление «правды внешней» и «правды внутренней», требование прав «неполитических» (которые в дальнейшем были своеобразным образом переинтерпретированы П. Б. Струве в логике «естественных прав»⁹).

Напротив, Киреевский в тексте «Записки...» — и в особенности в сохранившихся набросках — доходит до апологии того, что

8. См. подробнее: [*Греков*].

9. См. об этом: [*Тесля 2018*].

в оптике К. С. Аксакова предстало «правдой внешней», вспоминая известный анекдот о тяжбе короля Пруссии Фридриха II с мельником и отмечая, что король

ясно видел, что для властителя народного величайшая честь ставить справедливость и *законность* (курсив наш. — А. Т.) выше собственного произвола и что народ не может сделать ему более уважения, как почитая его личность столько нераздельною от справедливости и законности, что, действуя законно даже против его прихоти, думает действовать согласно с его волей. А вы уверены, что имеете высокое понятие о царе своем, когда стараетесь угодить ему, нарушая законы [Киреевский 2018б, 81].

В заключение отметим, что эти суждения и оценки Киреевского не приходится считать более или менее случайными. Так, обращаясь к его письму к М. П. Погодину от 1846 г., содержащему замечания на речь последнего о Карамзине, мы находим несколько характерных поправок, предложенных историку. Прежде всего Киреевский следует уже изменившемуся значению слова «гражданин», предлагая Погодину отказаться от именованя Карамзина симбирским «согражданином», поскольку:

Он не Симбирский, а Русский гражданин и, следовательно, согражданин всех нас. Эту честь нам уступать нельзя [Киреевский 2018а, 310].

Попутно Киреевский фиксирует и другое терминологическое изменение — смысла слова «республика», предлагая заменить используемый Погодиным вслед за Карамзиным оборот «республиканская свобода» — выражением «народная свобода» [Киреевский 2018а, 312]. Однако наибольшее значение в интересующем нас контексте, связанном с понятием «гражданин», имеет замечание по поводу употребленного Погодиным оборота «безусловные верноподданные». Киреевский пишет:

В прежние века не было *безусловных верноподданных*. — Сколько князей изгонялось за нарушение условий! — Одно подозрение в злодеянии Бориса восставило против него всю Россию. — Одно неуважение к обрядам и обычаям Русским уничтожило Самозванца. — А те грамоты, на которых целовали кровь наши властители при восшествии на престол от Шуйского до Анны? — Нет, то-то и особенность нашего прежнего верноподданства, что оно было не *безусловное*, но, напротив, *условленное законностью*. А самое слово *верноподданный* как-то нейдет к характеру прежних веков.

В нем запах нового времени. Оно из лексикона Феофана и Яворского [*Киреевский 2018a, 310*].

Тем самым уже в тексте 1846 г. Киреевский выделяет для описания должного порядка вещей ключевые понятия, отражая движение смыслов: «гражданин» и «законность», при этом не только оспаривая «безусловное верноподданство», но и затем, применительно к «прежним векам», т. е. ко времени, когда еще не произошло отчуждения от «народных начал», отказываясь от самого слова «верноподданный».

Источники и литература

1. *Аксаков = Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? / Сост., вступ. ст. В. Н. Грекова ; Подгот. текста и прим. В. Н. Грекова, Н. А. Смирновой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 1008 с.*
2. *Барсуков 1894 = Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 8. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 629 с.*
3. *Барсуков 1900 = Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 14. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 641 с.*
4. *Валицкий = Валицкий А. В кругу консервативной утопии : Структура и метаморфозы русского славянофильства / Пер. с польск. К. В. Душенко ; послесл. А. А. Тесля. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 701 с.*
5. *Греков = Московский сборник / Изд. подг. В. Н. Греков. СПб. : Наука, 2014. 1307 с.*
6. *Киреевский 2002 = Киреевский И. В. Разум на пути к Истине : Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподоб. Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник / [Сост. и вступ. ст. Н. Лазаревой]. М. : Правило веры, 2002. lxxiii, 661 с.*
7. *Киреевский 2018a = Киреевский И. В. Полное собрание сочинений : В 3 т. Т. 2 : 1840–1849 / Сост. А. Н. Николюкина. СПб. : Росток, 2018. 525 с.*
8. *Киреевский 2018б = Киреевский И. В. Полное собрание сочинений : В 3 т. Т. 3 : 1850–1856 / Сост. А. Н. Николюкина. СПб. : Росток, 2018. 703 с.*
9. *Колеров = Колеров М. А. Археология русского политического идеализма : 1904–1927 : Очерки и документы. М. : Common Place, 2018. 352 с.*
10. *Тесля 2013 = Тесля А. А. Концепция общества, народа и государства И. С. Аксакова : Первая половина 1860-х годов // Полития : Анализ. Хроника. Прогноз. 2013. № 1. С. 65–79.*
11. *Тесля 2015 = Тесля А. А. Последний из «отцов» : Биография Ивана Аксакова. СПб. : Владимир Даль, 2015. 800 с.*

12. *Тесля 2018* = Тесля А. А. Реабилитация «национализма»: О понятиях «нация» и «национализм» в работах П. Б. Струве дореволюционного периода // Вопросы национализма. 2018. № 31. С. 155–170.
13. *Тесля 2019* = Тесля А. А. «Истинно русские люди»: История русского национализма: [Курс лекций]. М.: РИПОЛ классик, 2019. 317 с.
14. *Цимбаев 1978* = Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни преобразовательной России. М.: Изд-во МГУ, 1978. 264 с.
15. *Цимбаев 1986* = Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1986. 269 с.
16. *Янковский* = Янковский Ю. З. Патриархально-дворянская утопия: Страница русской общественно-литературной мысли 1840–1850-х годов. М.: Художественная литература, 1981. 373 с.
17. *Walicki* = Walicki A. The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought / Transl. by H. Andrews-Rusiecka. New York: Oxford University Press, 1975. viii, 609 p.

A. A. Teslya

On Characterising the Slavophiles' Political Theory: About Ivan Kireyevsky's Beliefs

Over recent decades, the Slavophiles' political theory has been relatively seldom made the subject of a special analysis. It has been customary to reproduce traditional historiographic judgments, which cover neither new sources on the topic, introduced over the years, nor the results of developing related topics. The article aims at considering some subjects to characterise more accurately the political beliefs of Ivan Vasilyevich Kireyevsky (1806–1856). As one of the most prominent figures among the Slavophiles, he attracts attention mainly for his philosophical and some of his theological views. By no means rebutting this view, the author provides a brief description of his political beliefs of his mature period (late 1830s). In his writings of that time, Ivan Kireyevsky appears as a political theorist, attentive to the conceptual row, who assumed in 1855 the conservative-liberal nationalist position oriented towards the Anglophile tradition. Of particular interest is Kireyevsky's position in relation to "law" and "legality". In contrast to the prevailing interpretation of Slavophilism by Aksakov, disregarding formal legality and almost opposing it to justice (within the dichotomy of an "outer truth" versus an "inner" one), Kireyevsky advocates the unity of justice and legality.

KEYWORDS: history of Russian social thought, nationalism, political theory, Russian liberalism, Slavophilism.

References

- I. Aksakov I. S. (2002). *Otchego tak nelegko zhivetsia v Rossii?* [Why is it so hard to live in Russia?]. Moscow : Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) (In Russian).
2. Barsukov N. P. (1894). *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* [The Life and Works of M. P. Pogodin]. Book 8. St. Petersburg : Tip. M. M. Stasiulevicha (In Russian).
3. Barsukov N. P. (1900). *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* [The Life and Works of M. P. Pogodin]. Book 14. St. Petersburg : Tip. M. M. Stasiulevicha (In Russian).
4. Grekov V. N. (ed.). (2014). *Moskovskii sbornik* [Moscow collection]. St. Petersburg : Nauka (In Russian).
5. Iankovskii Iu. Z. (1981). *Patriarkhal'no-dvorianskaia utopia : Stranitsa russkoi obshchestvenno-literaturnoi mysli 1840–1850-kh godov* [Patriarchal-Noble Utopia : A Page of Russian Socio-Literary Thought of the 1840–1850s.]. Moscow : Khudozhestvennaia literature (In Russian).
6. Kireevskii I. V. (2002). *Razum na puti k Istine : Filosofskie stat'i, publitsistika, pis'ma. Perepiska s prepodob. Makariem (Ivanovym), startsem Optinoi pustyni. Dnevnik* [Reason on the Path to Truth : Philosophical articles, journalism, letters. Correspondence with Rev. Macarius (Ivanov), an old man of Optina Hermitage. A diary]. Moscow : Pravilo very (In Russian).
7. Kireevskii I. V. (2018). *Polnoe sobranie sochinenii : V 3 t. T. 2 : 1840–1849*. [Complete Works : In 3 v. V. 2 : 1840–1849]. St. Petersburg : Rostok (In Russian).
8. Kireevskii I. V. (2018). *Polnoe sobranie sochinenii : V 3 t. T. 3 : 1850–1856*. [Complete Works : In 3 v. V. 3 : 1850–1856]. St. Petersburg : Rostok (In Russian).
9. Kolerov M. A. (2018). *Arkheologiia russkogo politicheskogo idealizma : 1904–1927 : Ocherki i dokumenty* [The Archeology of Russian Political Idealism : 1904–1927 : Essays and Documents]. Moscow : Common Place (In Russian).
10. Teslia A. A. (2013). “Kontseptsii obshchestva, naroda i gosudarstva I. S. Aksakova : Pervaia polovina 1860-kh godov” [The concept of society, people and state I. S. Aksakov : The first half of the 1860s]. *Politiia : Analiz. Khronika. Prognoz*, 2013, n. 1, pp. 65–79 (In Russian).
11. Teslia A. A. (2015). *Poslednii iz «ottsov» : Biografiia Ivana Aksakova* [The Last of the “Fathers”: Biography of Ivan Aksakov]. St. Petersburg : Vladimir Dal' (In Russian).
12. Teslia A. A. (2018). “Reabilitatsiia «natsionalizma» : O poniatiiakh «natsiia» i «natsionalizm» v rabotakh P. B. Struve dorevoliutsionnogo perioda” [“Rehabilitation of ‘nationalism’: On the concepts of ‘nation’ and ‘nationalism’

- in the works of P. B. Struve of the pre-revolutionary period”]. *Voprosy natsionalizma*, 2018, n. 31, pp. 155–170 (In Russian).
13. Teslia A. A. (2019). «*Istinno russkie liudi*» : *Istoriia russkogo natsionalizma* [“True Russian people” : The history of Russian nationalism]. Moscow : RIPOL klassik (In Russian).
 14. Tsimbaev N. I. (1978). *I. S. Aksakov v obshchestvennoi zhizni poreformennoi Rossii* [I. S. Aksakov in the public life of post-reform Russia]. Moscow : Moscow State University (In Russian).
 15. Tsimbaev N. I. (1986). *Slavianofil'stvo : Iz istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli XIX v.* [Slavophilism : From the history of Russian socio-political thought of the XIX century]. Moscow : Moscow State University (In Russian).
 16. Walicki A. (1975). *The Slavophile Controversy : History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought*. New York : Oxford University Press.
 17. Walicki A. (2019). *V krugu konservativnoi utopii : Struktura i metamorfozy russkogo slavianofil'stva* [In the circle of conservative utopia : The structure and metamorphosis of Russian Slavophilism]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie (Russian translation).